

Даже зимой в уезд Шаоюань продолжали прибывать торговые караваны. Вот и сегодня на горизонте показались давние знакомые — караван семьи Ху под началом проводника Ху Чжэна.

Несколько торговых судов под флагами рода Ху выросли на туманной линии горизонта. Пока береговые лоцманы Управления торговых судов заводили корабли в гавань, купцы во все глаза разглядывали новый причал. Ещё в префектуре Сунцзян, едва прослышав о здешних бросовых ценах на товары, всякий в караване загорелся надеждой сорвать небывалый куш. Стоило разнестись вести о скорой причалке, как палубу заполонили возбуждённые люди, жадно вглядывающиеся в очертания берега.

Всю дорогу до них то и дело долетали слухи из Шаоюаня. Шептались, будто местную пристань перестроили до неузнаваемости, накупили судов, переманили лучших корабельных мастеров и даже затеяли зимнее обучение для простолюдинов. Всё это разжигало неистовое любопытство.

Увиденная воочию планировка причала озадачивала, но вместе с тем поражала строгой упорядоченностью. Те, кто уже бывал здесь с Ху Чжэном, сразу узнали серую ровную мостовую. В прошлый раз, когда их отряд уходил в горы, уездные дороги ещё только начинали мостить; Ху Чжэну тогда самому приходилось объяснять спутникам, сколько времени и сил требует подобный труд. И вот, не прошло и года, как новые тракты не просто легли на землю — сам причал оказался залит тем же диковинным серым камнем. По меркам здешних мест, за такой срок уложить мостовые и возвести мастерские казалось пределом человеческих возможностей. А тут ещё и гавань... Неужели судья Цзян заставил весь уезд трудиться день и ночь, не покладая рук?

С высоты палубы взору открывался широкий простор. Прямо за причалом раскинулся огромный квартал. Часть зданий ещё стояла в строительных лесах, их нижние ярусы щеголяли той же серой смесью, которой заливали дороги. Готовые же постройки белели свежей известью. На стенах пестрели какие-то условные знаки и разметка, скрытые за нагромождением лесов, так что разобрать их издали не представлялось возможным.

Ху Чжэн и сам невольно поддался нахлынувшим чувствам. Когда он впервые ступил на эту землю, Шаоюань больше походил на захудалую, полузаброшенную глухомань, где только-только затеяли возиться с дорогами. И вот всего за год под началом Цзян Умяня захолустный уезд преобразился, забурился невиданной жизнью, сохранив при этом железный порядок.

Ху Чжэн умел держать лицо, а вот его спутник Ху Чэнь лишь раздосадованно процедил сквозь зубы:

— А уездный судья-то, оказывается, малый не промах.

Всего за какой-то год, пока сам Ху Чэнь в столице маялся дурью, гонял собак да отлынивал от учения, Шаоюань умудрился переродиться. Да так, что местная пристань теперь ни в чём не уступала столичным причалам префектуры Сунцзян, где они только что побывали! Одно плохо — уныло тут всё, сплошная серость да белизна, глазу зацепиться не за что.

Суда тяжело повернули, швартуясь у пирса. Дрожь палуб затихла, и с глухим стуком перекинулись тяжёлые сходни, связав борта с дощатыми настилами. Столпившиеся у бортов люди расступились, выжидательно глядя на Ху Чжэна. Тот коротко повёл рукой. Несколько крепких матросов вышли вперед и потянулись следом за вожакom и Ху Чэнем на берег.

Давно поджидавший их у кромки воды уездный служащий Чэнь Эрчжу шагнул навстречу с широкой улыбкой:

— Проводник Ху! Сколько лет, сколько зим! Управляющий Ху сегодня, увы, занят делом и подойти не смог, так что я, Чэнь Эрчжу, вызвался сам. Позвольте снова побыть вашим проводником.

Ху Чжэн не сразу припомнил малого, но стоило тому упомянуть прежнюю услугу, как в памяти тут же всплыл визит в павильон Пьяной Зари. С улыбкой поклонившись, он прижал ладонь к кулаку:

— Что вы, Чэнь Эрчжу, это мне в радость встретить старого друга.

«И здесь без уездной управы не обошлось», — подумал Ху Чжэн.

Между тем Чэнь Эрчжу вовсю махал руками, увлекая гостей за собой:

— Скажете тоже, проводник Ху! Вы ведь впервые на нашей новой пристани, как мы могли оставить вас без присмотра? Прошу сюда, господа, любезно прошу! Глядите под ноги — уездный судья распорядился, чтобы все новоприбывшие караваны шли строго по этой дорожке.

Служащий указал на землю. На сером бетонном пустыре между причалом и пакгаузами красовалась нанесённая белой известью исполинская стрелка. Не заметить её было невозможно.

Проследив за его жестом, люди увидели, что указатель упирается в двери такого же гладко побеленного здания. Туда они и направились. Чэнь Эрчжу завёл приезжих внутрь и свернул налево, к длинной конторской стойке, за которой какой-то мелкий чиновник сосредоточенно шуршал бумагами.

— Писарь Чжао! Караван семьи Ху на месте!

Эти слова отозвались в ушах Ху Чжэна странным эхом. Точно так же Чэнь Эрчжу когда-то заводил их в павильон Пьяной Зари. В груди шевельнулась мимолётная ностальгия. Всё-таки Шаоюань менялся с умопомрачительной быстротой.

Писарь Чжао мазнул по вошедшим равнодушным взглядом и выложил на стойку три листа плотной бумаги.

— Семья Ху? Добро пожаловать. Заполняйте прошение на въезд.

«Прощение на въезд?»

Что ещё за новшество? Наверняка дело касается пребывания в уезде, но к чему такие сложности?

Пока Ху Чжэн разглядывал полученный бланк, любопытный Ху Чэнь уже бесцеремонно вытянул из стопки второй лист, а третий пошёл по рукам притихших купцов. Чёрная тушь на белой бумаге выводила чёткие графы. Спрашивали о самом обычном: состав каравана, характер груза — ничего секретного, при желании любой соглядатай выведал бы это за пару минут. Ниже шли строки «Цель прибытия» и «Срок пребывания». Однако больше всего вопросов вызывало пустое поле для оттиска печати в самом углу.

Ху Чэнь нахмурился, да и сам Ху Чжэн едва сдержал досаду. Личная или родовая печать — вещь почтенная, её оттиск имеет силу подписи. Шлёпать им направо и налево на каких-то уездных грамотах никто не собирался.

Писарь Чжао, давно привыкший к подобной реакции, лениво выудил из ящика массивное клеймо и постучал им по дереву:

— Свои печати можете не доставать. Ставить будем вот эту.

«Вот как?»

Значит, уездная управа ставит собственное клеймо? И в чём же фокус?

Ху Чжэн окончательно запутался. Куда ни глянь — кругом загадки. Что за порядки завели в Шаоюане?

А ведь всё началось с того, что советник Чжан Жун спросил уездного судью, как устроить дело с печатями, дабы избежать ненужных споров и подозрений со стороны купцов.

Цзян Умянь тогда ответил коротко:

— Шаоюань сам предоставит клеймо. Этот оттиск будет лишь подтверждать права заезжего купца на территории нашего уезда и накладывать на него соответствующие обязательства. Никакой юридической силы за пределами Шаоюаня он иметь не должен.

Трое советников долго крутили так и сяк слова начальника. Выходило, что уезд накладывает обоюдовыгодную печать, имеющую силу лишь при согласии обеих сторон. Без ведома управы или самого купца бумага превращалась в обычный клочок пергамента.

Разумеется, Цзян Умянь позаботился и о защите от подделок. Он приказал усложнить состав чернил для оттисков: рецептуру тайком меняли каждые несколько недель, отчего цвет и плотность краски едва заметно варьировались. Обычный писец разницу бы не уловил, а вот знающий человек обман раскусил бы враз.

Прошение составлялось в трёх экземплярах. Бумагу заверяли печатью ровно по линии отреза, так что часть оттиска оставалась на корешке, а часть — на отрывном талоне, который отдавали купцу. На талоне также красовался непонятный ряд знаков — арабские цифры, введённые судьёй для упрощения расчётов. С такой многоступенчатой защитой подделать бумагу было делом почти безнадёжным.

Писарь Чжао отчеканил все эти правила заученным, бесцветным голосом. За последние месяцы ему пришлось талдычить одно и то же добрую сотню раз. Стоило кому-то зайти в контору, как у бедняги язык сам собой принимался молотить инструкцию, отчего сослуживцы покатывались со смеху.

Ху Чэнь всё ещё подозрительно косился на писаря, однако Ху Чжэн уже заметно расслабился. Раз прошение имеет силу лишь в пределах Шаоюаня, то никаких бед за собой не повлечёт. Штука полезная, отдалённо напоминающая обычную подорожную грамоту, но куда более продуманная.

Куда сильнее его заинтриговали непонятные закорючки в углу листа. Проводник ткнул пальцем в ряд значков, больше похожих на тайный шифр, чем на цифры:

— А это что за тайные знаки? Какой здесь номер указан?

Писарь Чжао послушно прочитал число вслух, а затем пояснил:

— Это не просто порядковый номер. Отныне в нашем уезде данный код — личное клеймо вашего каравана. Первые знаки указывают на область, префектуру и уезд, откуда вы прибыли. Следом идёт число, показывающее, какими по счёту вы пришли к нам из своих краёв. Ну а в самом конце пишется дата.

Проводник мысленно повторил про себя странную череду знаков.

— И как же распределяются эти коды по областям? На каком основании? Да и зачем вообще всё это нужно? Где у нас эту грамоту потребуют?

— Это вам лучше у самого судьи спросить, — покачал головой Чжао. — Он и печать придумал, и эти цифры ввёл, а нашего брата в умы барские не посвящают. Что до пользы от номеров — господин уездный судья пока никаких особых указов на этот счёт не спускал, мы лишь исполняем предписанное.

Раз уж все ниточки тянулись к управе, Ху Чжэн невольно перевёл взгляд на Чэнь Эрчжу.

— Проводник Ху, даже не смотрите на меня! — взмолился тот. — Моё дело маленькое — встретить вас на пристани, отвести на перепись, а потом проводить наружу. В этих высоких материях я смыслю не больше вашего.

Почуяв на себе пристальные взгляды заезжих гостей, Чэнь Эрчжу зачастил с оправданиями. Ему тоже изрядно приелось растолковывать одно и то же всякому встречному. Обычный провожатый, откуда ему ведать, что творится в голове у господина судьи? Доставить купцов в целости, оформить как положено да выпустить восвояси — вот и вся его служба.

— Ну так как, приложим печать? — спросил Чэнь Эрчжу. — Оформим бумаги, да пойдём потихоньку разгружаться.

— А если откажемся? — прищурился Ху Чэнь. — Без этой бляхи нас внутрь не пустят?

— Отчего же, пустят, — лениво махнул рукой писарь Чжао. — Дело это сугубо добровольное. Только вот проверка перед воротами у вас займёт куда больше времени.

Поскольку других просителей в конторе не наблюдалось, Чжао охотно пустился в пространные разъяснения:

— Судите сами. Во-первых, эта бумага подтверждает законность вашего прибытия в гавань Шаоюаня. Нам ведь нужно как-то отличать честных негодяев от морских разбойников, верно? Во-вторых, прошение определяет вашу очередь на досмотр. Получив на руки копию листа, вы без задержек проследуете прямо к мытникам. Там у вас быстро сверят груз, посчитают пошлину и проверят, не везёте ли чего запрещённого. В-третьих, это ваш пропуск в сам город. Пристань пристанью, а у городских ворот стража потребует доказать, что вы — мирные торговцы, а не бродяги какие. Наконец, по этой грамоте вам и жильё сыщут быстрее. В лучших постоянных дворах и трактирах владельцы обязаны в первую очередь устраивать гостей с нашими прошениями.

Ежели бумаги не окажется, то и о поблажках забудьте. Придётся стоять в общем хвосте, пропуская вперёд тех, у кого оттиск имеется. И у городских ворот томиться, и у дверей трактиров локти кусать. Вроде и не притесняет никто открыто, а волокиты наживёте столько, что сами не рады будете.

А ведь купцы шли в Шаоюань с одной-единственной целью — первыми ухватить выгоду. Какой смысл тащиться в такую даль, если другие караваны обойдут тебя на повороте, скупят за бесценок весь лучший товар и перепродадут втридорога? Смотреть со стороны, как чужие мошны пухнут от золота?

Словом, хочешь опередить соперников — берись за кисть. Хочешь плестись позади — воля твоя.

Ху Чжэн притянул к себе листы и, прежде чем обмакнуть кисть в тушь, задал последний вопрос:

— А если срок действия выйдет? Нам что же, тотчас укажут на ворота?

— Вовсе нет, — отозвался писарь. — Достаточно до истечения срока явиться в управу и подать прошение о продлении, указав причину. А вот коли затянете дело, стража у ворот вас просто так не выпустит. Придётся опять же идти на поклон к судье, писать объяснительную — мол, почему задержались да вовремя за новой грамотой не пришли. Пока стражники всё не перепроверят, хода вам из города не будет. Ежели решите задержаться прямо на причале — пожалуйста с тем же в Управление торговых судов.

Канители, конечно, хватало, но и обойти её было проще простого: пиши срок побольше, с запасом, да уезжай восвояси, когда вздумается.

Ху Чжэн размашисто вывел своё имя и уверенно прижал печать к разделительной черте.

Закончив с бумагами, писарь Чжао небрежно пододвинул к нему тонкую брошюру.

— Вот, держите. «Путеводитель по Шаоюаню». Тут вкратце расписано, какие товары где искать. И помните: если кто-то из местных дельцов вздумает вас надуть или обвесить — немедленно ступайте с жалобой в управу или в Управление торговых судов. Обидчиков быстро приструнят.

Купцы из рода Ху онемели от удивления.

«...»

С ума сойти. Что за чудо-край сотворил здесь уездный судья всего за один год?

Чэнь Эрчжу лишь смущённо кашлянул в кулак.

Господин судья выразился предельно ясно: в честные торговые дела управа нос совать не станет, но вот грабёж, утайку пошлин или обман покупателей будет карать беспощадно. Поговаривали даже, будто Цзян Умянь прямо-таки изнывал от желания взгреть какого-нибудь наглеца прилюдно, дабы прочим неповадно было. К великому сожалению уездных стражников, дураков среди заезжих купцов не водилось, так что пустить в ход кулаки управе пока не доводилось.

С другой стороны, оно и к лучшему — добрая слава о Шаоюане разлеталась без единого тёмного пятнышка. Глядя на здешний размах, сюда один за другим тянулись караваны со всей Поднебесной, а сам уезд за это время успел снарядить несколько собственных купеческих гильдий.

<http://bllate.org/book/19045/2005037>